

У войны не женское лицо

по книге
Светланы
Алексиевич

**У войны не женское лицо. Но
ничто на этой войне не
запомнилось больше, резче,
страшнее и прекраснее, чем лица
наших матерей.**

А. Адамович

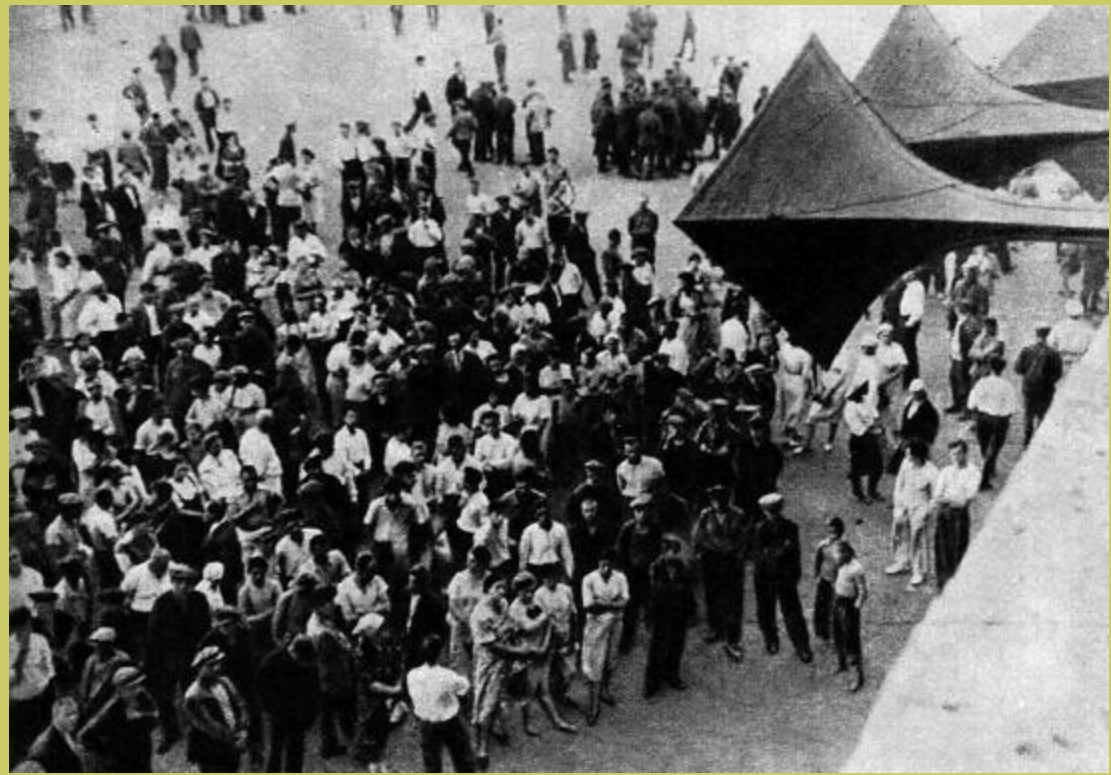
Сестра, подруга, жена и самое высокое – мать...
Женщина дает жизнь, женщина оберегает жизнь,
женщина и жизнь – синонимы.

Но на самой страшной войне двадцатого века женщине пришлось стать солдатом. Женщины на фронте не только помогали раненым, но и стреляли, бомбили, подрывали мосты, ходили в разведку. Они убивали врагов. Они защищали свою землю, свой дом, своих детей...

**Валентина Чудаева,
сержант, командир
зенитного орудия:**

«И вот - сорок
первый год... У
меня последний
школьный звонок.
У нас у всех были
какие-то планы,
свои мечты, ну,
девчонки ведь.

После выпускного вечера мы поехали по Оби на остров. Такие веселые, счастливые... Еще, как говорится, нецелованные, у меня еще даже парня не было. Возвращаемся, рассвет на острове встретили... Город весь бурлит, люди плачут. Кругом: "Война! Война!"...

**Антонина Бондарева,
гвардии лейтенант,
старший лётчик:**

«К концу сорок
первого мне
прислали
похоронную: муж
погиб под Москвой.
Он был командир
звена. Я любила
свою дочку, но отвезла её к его родным. И стала
проситься на фронт...

В последнюю ночь... Всю ночь простояла у
детской кроватки на коленях...»

Клавдия Терехова, капитан авиации:

«Платья, туфельки на каблуках... Как нам жалко их, в мешочки позапрятавали. Днём в сапогах, а вечером хоть немножко в туфельках перед зеркалом. Командир увидел — и через несколько дней приказ: всю женскую одежду отправить домой в посылках. Вот так! Зато новый самолёт мы изучили за полгода вместо двух лет, как это положено в мирное время.

В первые дни тренировок погибло два экипажа. Поставили четыре гроба. Все три полка, все мы плакали навзрыд. Потом, на войне, хоронили без слез. Перестали плакать...»

Софья Дубнякова, старший сержант, санинструктор:

«Я до сих пор помню своего первого раненого... Лицо помню... У него был открытый перелом средней трети бедра. Представляете, торчит кость, осколочное ранение, всё вывернуто. Эта кость... Я знала теоретически, что делать, но когда я к нему подползла и вот это увидела, мне стало плохо, меня затошнило. И вдруг слышу: «Сестричка, попей водички» — это мне этот раненый говорит. Жалеет. Я эту картину как сейчас вижу. Как он это сказал, я опомнилась:

«Ах, думаю, чёртова тургеневская барышня! Человек погибает, а её, нежное создание, видите ли, затошнило». Развернула индивидуальный пакет, закрыла им рану, и мне стало легче, и оказала, как надо, помощь.

**Мария
Морозова, ефрейтор,
снайпер:**

«После фанерных мишеней стрелять в живого человека было трудно. Я же его вижу в оптический прицел, хорошо вижу. Как будто он близко... И внутри у меня что-то противится... Что-то не дает, не могу решиться. Но я взяла себя в руки, нажала спусковой крючок... Он взмахнул руками и упал. Убит он был или нет, не знаю. Но меня после этого еще больше дрожь взяла, какой-то страх появился: я - убила человека?! К самой этой мысли надо было привыкнуть. Да... Короче - ужас! Не забыть...»

**Ольга Васильева,
санинструктор:**

«Перевязываю танкиста... Бой идет, грохот. Он спрашивает: "Девушка, как вас зовут?" Даже комплимент какой-то. Мне так странно было произносить в этом грохоте, в этом ужасе свое имя – Оля.

Всегда я старалась быть подтянутой, стройной. И мне часто говорили: "Господи, разве она была в бою, такая чистенькая". Я очень боялась, что если меня убьют, то буду лежать некрасивая.»

Мария Детко, рядовая, прачка:

"Стирала... Через всю войну с корытом прошла. Стирала вручную. Телогрейки, гимнастерки... Халаты маскировочные насквозь в крови, не белые, а красные. Черные от старой крови. В первой воде стирать нельзя - она красная или черная... Гимнастерка без рукава, и дырка на всю грудь, штаны без штанины. Слезамы отмываешь и слезамы полощешь. И горы, горы этих гимнастерок... Ватников... Как вспомню, руки и теперь болят. Я часто их и теперь во сне вижу... Лежит черная гора..."

Валентина Илькевич, партизанская связная:

«Я не хотела убивать, я не родилась, чтобы убивать. Я хотела стать учительницей. Но я видела, как жгли деревню... Я не могла крикнуть, я не могла громко плакать: мы направлялись в разведку и как раз подошли к этой деревне. Я могла только грызть себе руки, у меня на руках остались шрамы с тех пор, я грызла до крови. До мяса. Помню, как кричали люди... Кричали коровы... Кричали куры...

Мне казалось, что все кричат человеческими голосами. Все живое. Горит и кричит. Это не я говорю, это горе мое говорит...»

**Ольга Омельченко, санинструктор
стрелковой роты:**

"Привезли раненого, полностью забинтованный, у него было ранение в голову, он чуть только виден. Но, видно, я ему кого-то напоявила, он ко мне обращается: "Лариса... Ларочка..." Я подошла, никак не пойму, все присматриваюсь. "Ты пришла? Ты пришла?" Я за руки его взяла, нагнулась... "Я знал, что ты придешь..." Он что-то шепчет, я не могу понять, что он говорит. И сейчас не могу рассказывать, когда вспомню этот случай, слезы пробиваются. „Я, — говорит, — когда уходил на фронт, не успел тебя поцеловать. Поцелуй меня..." И вот я нагибаюсь над ним и поцеловала его. У него из глаза слеза выскочила и поплыла в бинты, спряталась. И все. Он умер..."

**Александра Попова,
гвардии лейтенант,
штурман:**

«Наш полк был полностью женский... Вылетели на фронт в мае сорок второго года...

Дали нам самолёт «По-2». Маленький, тихходный.

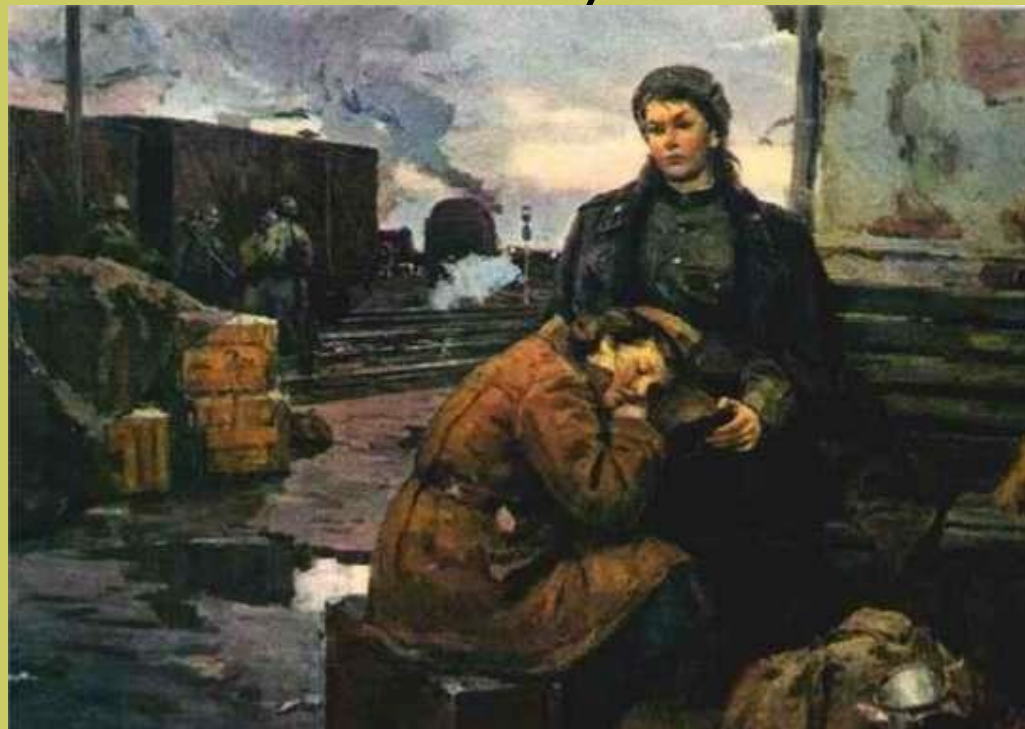
Летал он только на малой высоте, часто на бреющем полёте. Над самой землёй! Сейчас нас назвали бы камикадзе, может быть, мы и были камикадзе. Да! Были! Но победа ценилась выше нашей жизни. Победа!

Ты заходишь над целью, тебя всю трясёт. Всё тело покрывается дрожью, потому что внизу огонь: истребители стреляют, зенитки расстреливают... Несколько девушек вынуждены были уйти из полка, не выдержали.»

Клавдия Григорьевна Крохина, старший сержант, снайпер:

«Первый раз страшно... Очень страшно... Потом это прошло. И вот как.... Как это случилось... Мы уже наступали, было это где-то возле небольшого посёлка. Кажется, на Украине. И там, когда мы шли, около дороги стоял барак или дом, невозможно было уже разобрать, это всё горело, сгорело уже, одни угли остались. Обгоревшие камни... Многие девочки не подошли, а меня как потянуло...

В этих углях мы увидели человеческие кости, среди них звёздочки обгоревшие, это наши раненые или пленные сгорели. После этого, сколько я ни убивала, мне уже не было жалко. Как увидела эти чёрные косточки...»

Ольга Забелина, военный хирург:

«Бывает, услышу музыку... Или песню... Женский голос... И там найду то, что я тогда чувствовала. Что-то похожее...

А смотрю кино о войне – неправда, книгу читаю – неправда. Ну, не то... Не то получается. Сама начинаю говорить – тоже не то. Не так страшно и не так красиво. Знаете, какое красивое бывает на войне утро? Перед боем... Ты смотришь и знаешь: оно может быть у тебя последним. Земля такая красивая... И воздух... И солнышко...»

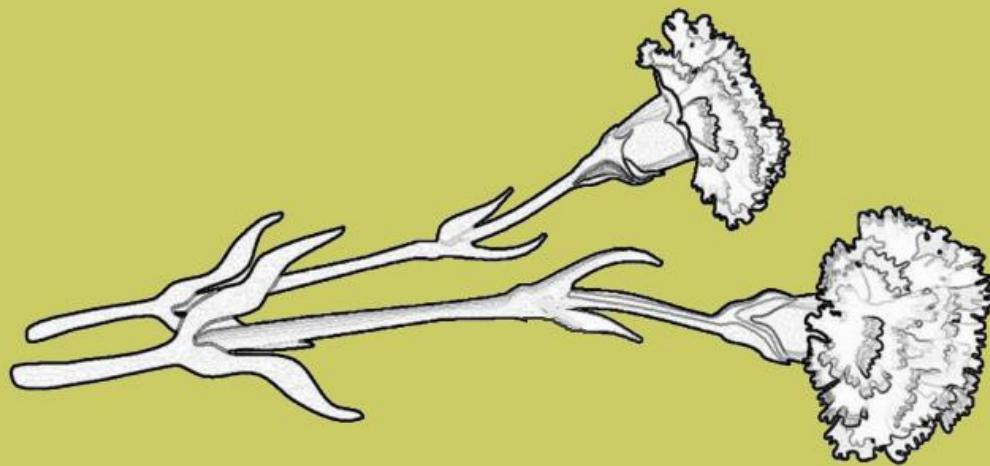
Мария Василевская, сержант, связистка:

«На войне было столько чудес... Я вам расскажу... Лежит на траве Аня Кабурова... Наша связистка. Она умирает - пуля попала в сердце. В это время над нами пролетает клин журавлей. Все подняли головы к небу, и она открыла глаза. Посмотрела: "Как жаль, девочки". Потом помолчала и улыбнулась нам: "Девочки, неужели я умру?" В это время бежит наш почтальон, наша Клава, она кричит: "Не умирай! Не умирай! Тебе письмо из дома..." Аня не закрывает глаза, она ждет... Наша Клава села возле нее, распечатала конверт. Письмо от мамы: "Дорогая моя, любимая доченька..." Возле меня стоит врач, он говорит: "Это - чудо. Чудо! Она живет вопреки всем законам медицины..." Дочитали письмо... И только тогда Аня закрыла глаза...»

***Тамара Умнягина, гвардии младший сержант,
санинструктор:***

«Разве это поймет тот, кто там не был? А как рассказать? С каким лицом? Ну, ты ответь мне - с каким лицом это надо вспоминать? Другие как-то могут... Способны... А я - нет. Плачу. А это надо, надо, чтобы осталось. Надо передать. Где-то в мире должен сохраниться наш крик. Наш вопль...»

Алексиевич

Светлана Александровна

